

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Украины: Науч.-практ. коммент. / под общ. ред. В.Т. Маляренко, Ю.П. Аленина. – Х.: ООО «Одиссей», 2003.
2. Комментарий к Уголовному кодексу РФ с постановочными материалами и судебной практикой / Под общ. ред. С.И. Никулина. – М., 2000.
3. Решение Конституционного Суда Украины о конституционности статьи 248-3 ГПК Украины от 28.05.2001 г. № 6 рп /2001 // Вестник КСУ Украины. – 2001. – № 3.
4. Брусницын Л.В. Международно-правовые и конституционные основы обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию // Гос. и право. – 1996. – № 3. – С. 107-108.
5. Навроцкий В.А. Основы уголовно-правовой квалификации. – К.: Юринком Интер, 2006.

Анотація

Юшина Ю.В. Про вдосконалення правових засобів забезпечення безпеки учасників кримінального судочинства. – Стаття.

Діяльність, яка здійснюється від імені держави особливим колом вповноважених законом осіб з розгляду та розв'язання заяв та повідомлень громадян, організацій та установ про скоєння злочинів або злочинів, що готуються, є частиною кримінального судочинства. Метою вказаної діяльності є встановлення наявності або відсутності в скоєному діянні ознак складу злочину.

Ключові слова: кримінальне судочинства, правові засоби, безпека учасників кримінального судочинства.

Summary

Yushin J.V. On improvement of legal means to ensure the safety of participants of criminal proceedings. – Article.

Activity refers to consideration and decision of statements and messages of citizens and organizations about committed crimes or preparing crimes is carried out by the state due to the special persons authorized by the law. This activity is a part of criminal legal proceedings. The goal of specified activity is to establish presence or absence of a committed crime or to establish the absence of crimes' features in the committed action.

Key words: criminal justice, legal methods, safety of participants of criminal proceedings.

УДК 343.148

Е.А. Зайцева

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ НАДЛЕЖАЩЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Эффективность судебно-экспертной деятельности в рамках существующих видов процессуальных производств в Российской Федерации обеспечивается разноплановым воздействием уголовно-правовых средств.

Это, прежде всего, закрепление в УК РФ норм об ответственности судебного эксперта в связи с его участием в судебном процессе и при производстве предва-

рительного расследования. Уголовная ответственность судебного эксперта за дачу заведомо ложных заключений и заведомо ложных показаний (ст. 307 УК РФ) выступает гарантией достоверности сведений, получаемых судом и органами расследования от эксперта в результате назначения и производства судебной экспертизы и допроса эксперта по ее итогам. Наличие уголовной ответственности эксперта за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ) обеспечивает соблюдение режима тайны предварительного следствия и дознания, который необходим для нормального осуществления уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве по уголовным делам.

Гипотетически эксперт может стать и субъектом преступления, предусмотренного ст. 297 УК РФ («Неуважение к суду») и ст. 298 УК РФ («Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя»). Существующая редакция чч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ среди специальных субъектов преступления – фальсификации доказательств – указывает только лицо, производящее дознание, следователя, прокурора или защитника, в то время как неправомерные действия эксперта с объектами экспертизы могут быть квалифицированы в рамках ст. 307 УК РФ, т.к. последствием этих действий является дача заведомо ложного заключения. Однако не следует исключать и ситуацию, когда эксперт умышленно подменит объекты экспертизы непригодными для исследования объектами или приведет их в негодность – в этом случае ответственность по ст. 307 УК РФ фактически исключается, т.к. эксперт пишет сообщение о невозможности дачи заключения, но не само заключение. Полагаем, с учетом подобного развития событий, можно было бы включить в список специальных субъектов преступлений, предусмотренных чч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ, эксперта.

Другая группа уголовно-правовых средств, закрепленных в законе, создает условия для беспрепятственного и безопасного участия судебного эксперта в досудебных и судебных стадиях уголовного процесса. Так, ст. 295 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за посягательство на жизнь эксперта, его близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта, совершенное в целях воспрепятствования законной деятельности эксперта или из мести за такую деятельность.

Ст. 296 УК РФ устанавливает ответственность за угрозу убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества эксперта, его близких в связи с производством предварительного расследования, рассмотрением дел или материалов в суде либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта. В случае принятия мер безопасности, предусмотренных Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [1] в отношении эксперта или его близких, лицо, виновное в разглашении сведений об этих мерах, если ему данные сведения были доверены или стали известны в связи с его служебной деятельностью, подлежит уголовной ответственности согласно ст. 311 УК РФ.

Возможен и вариант с провокацией взятки эксперту, за что лицу, виновному в передаче эксперту без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера в целях искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа, грозит уголовная ответственность по ст. 304 УК РФ.

В случае принуждения эксперта к даче заключения или показаний путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий со стороны следователя, дознавателя или другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя (дознавателя), для виновных лиц наступает уголовная ответственность согласно ст. 302 УК РФ.

Уголовный кодекс РФ устанавливает ответственность и за подкуп эксперта в целях дачи ими ложного заключения или ложных показаний (ч. 1 ст. 309 УК РФ), и за принуждение эксперта, даче ложного заключения, соединенное с шантажом, угрозой убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества эксперта или его близких (ч. 2 ст. 309 УК РФ). Сопоставление диспозиций ч. 1 и ч. 2 ст. 309 УК РФ и наименования ст. 309 УК РФ («Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу») дает основание для вывода о неточности формулировки наименования указанной статьи: содержание диспозиций чч. 1 и 2 включает важный признак – «заведомо ложное заключение» и «заведомо ложные показания», – с целью получения которых и предпринимаются неправомерные действия (подкуп или принуждение). Следовательно, наименование ст. 309 УК РФ должно быть изложено в иной редакции: «Подкуп или принуждение к даче заведомо ложных показаний, заведомо ложного заключения или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу».

Перечисленные нами уголовно-правовые средства воздействия на участников процессуальных отношений создают особый правовой режим, гарантирующий надлежащее осуществление судебно-экспертной деятельности в рамках уголовного, гражданского и арбитражного судопроизводства. Как представляется, нормы процессуального права, регламентирующие эти отношения, также являются важным компонентом в этом механизме правового регулирования.

Тем не менее анализ ряда установлений УПК РФ показывает наличие неточностей формулировок уголовно-процессуальных норм, касающихся ответственности судебного эксперта. При сопоставлении статей уголовного закона, регулирующих ответственность эксперта, и ряда положений действующего УПК РФ обнаруживается явное противоречие нормам УК РФ процессуальных норм. Так, статья 164 УПК РФ, определяющая общие правила производства следственных действий, в части 5 содержит положение, предусматривающее предупреждение эксперта и по ст. 308 УК РФ, что совершенно не согласуется с уголовно-правовой доктриной нашего государства. Уголовный кодекс не указывает эксперта в числе специальных субъектов преступления, предусмотренного ст. 308, следовательно, эксперт уголовной ответственности по ст. 308 УК РФ нести не может. Аналогичная ошибка допущена законодателем и в отношении таких участников уголовного процесса, как специалист и переводчик.

Стремление к упрощению и созданию «унифицированных» норм, подходящих для разных участников процессуальных отношений, привело к конструированию противоречивых и нелогичных предписаний в действующем УПК РФ. Тем не менее законодатель не «торопится» исправлять «огрехи законотворческой техники».

Необходимо изменить редакцию части 5 статьи 164 УПК РФ, приведя ее в соответствие с действующим уголовным законодательством. Представляется, что законодателю не следует объединять в одном предложении различных субъектов уголовной ответственности, а для каждой группы субъектов указать свой вид ответственности. Наиболее приемлемой, по мнению автора, будет следующая формулировка части 5 ст. 164 УПК РФ: «5. Следователь, привлекая к участию в следственных действиях участников уголовного судопроизводства, указанных в главах 6–8 настоящего Кодекса, удостоверяется в их личности, разъясняет им права, ответственность, а также порядок производства соответствующего следственного действия. Если в производстве следственного действия участвует потерпевший и свидетель, то они также предупреждаются об ответственности, предусмотренной статьями 307 и 308 Уголовного кодекса Российской Федерации. Участвующий в следственном действии переводчик предупреждается об ответственности, предусмотренной статьей 307 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Из текста данной нормы надлежит исключить положения об эксперте и специалисте по следующим мотивам. Данная норма регулирует ответственность участников следственных действий (осмотров, выемок, обысков, допросов, следственных экспериментов и т.д.), выполняя роль обобщенной нормы. Применительно к эксперту, который не только может участвовать с разрешения следователя в любых процессуальных и следственных действиях (в порядке п. 3 ч. 3 ст. 57 УПК РФ), но еще и в результате производства экспертизы дает заключение, законодатель в ст. 307 УК РФ устанавливает два вида ответственности. Один – за дачу заведомо ложных показаний¹ (что может иметь место при допросе), другой – за дачу заведомо ложного заключения (в связи с производством экспертизы). При привлечении эксперта к участию в следственном действии с целью получения новых исходных данных, относящихся к предмету экспертизы (например, в осмотре, обыске), эксперт сам задает вопросы участникам данного действия с разрешения следователя, а не дает собственные показания. Следовательно, эксперту не за что нести ответственность при участии в таких действиях.

Об ответственности за дачу заведомо ложных показаний его, по логике, нужно предупреждать только перед производством таких следственных действий, как допрос или очная ставка², в ходе которых эксперт дает показания. При участии

¹ Такая же ответственность предусмотрена и для специалиста, поэтому нижеизложенные аргументы распространяются и на позицию автора в отношении специалиста.

² Вопрос о возможности проведения очной ставки с участием эксперта весьма интересен. Полагаем, что очная ставка возможна между двумя экспертами, а также между экспертом и специалистом, в чьих заключениях и показаниях имеются существенные противоречия.

же эксперта в других следственных действиях оснований для предупреждения его об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 УК РФ нет. Что же касается уголовной ответственности эксперта за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ, то о ней эксперта предупреждают после поручения ему производства экспертизы (либо сам следователь, либо руководитель экспертного учреждения в случае производства экспертизы в экспертном учреждении).

В УПК РФ не закреплен такой вид уголовной ответственности для судебного эксперта, как ответственность за отказ или уклонение от дачи заключения (ранее такая ответственность предусматривалась ст. 182 УК РСФСР), что вполне закономерно. По этому поводу убедительно выглядит аргументация профессора Е.Р. Россинской: «Принуждение лиц, обладающих специальными знаниями, к производству экспертизы против их желания противоречит российскому законодательству и принципам правового государства» [2, с. 80]. Так, например, ст. 37 Конституции РФ запрещает принудительный труд, а ст. 4 Трудового кодекса РФ конкретизирует данное положение.

Оценивая ситуацию с отказом или уклонением эксперта от дачи заключения, следует признать, что лицо вправе не осуществлять судебно-экспертную деятельность, если она не входит в его служебные обязанности. Здесь должен срабатывать принцип добровольности: потенциального эксперта необходимо заинтересовать в производстве судебной экспертизы соответствующим вознаграждением. Что касается штатных сотрудников судебно-экспертных учреждений, то производство судебных экспертиз в порядке служебного задания предусматривается трудовым договором (контрактом), поэтому уклонение от выполнения экспертиз должно расцениваться как нарушение трудового договора или контракта и влечь соответствующую дисциплинарную ответственность.

Анализ видов уголовной ответственности судебных экспертов в странах ближнего зарубежья показывает, ряд стран сохранил традиции общесоюзного законодательства в вопросе об уголовной ответственности эксперта. К примеру, согласно ч. 6 ст. 61 УПК Республики Беларусь эксперт несет уголовную ответственность за дачу заведомо ложного заключения и за отказ либо уклонение без уважительных причин от исполнения возложенных на него обязанностей. Похожие положения заложены в ч. 4 ст. 68, ч. 2 ст. 183 УПК Республики Узбекистан, в ч. 4 ст. 63 Кыргызской Республики, в ч. 3 ст. 75 УПК Республики Таджикистан. Однако в ч. 6 ст. 83 УПК Республики Казахстан и ч. 5 ст. 96 УПК Туркменистана предусмотрена уголовная ответственность эксперта только за дачу заведомо ложного заключения.

Ст. 385 Уголовного кодекса Украины устанавливает уголовную ответственность эксперта за отказ без уважительных причин от выполнения возложенных на него обязанностей в суде или во время проведения досудебного следствия, осуществления исполнительного производства, расследования временной следственной или временной специальной комиссией Верховной Рады Украины или дознания. Сравнение данной нормы с рядом предписаний российского закона показывает, что к эксперту, как участнику уголовного судопроизводства,

может быть применена такая мера процессуального принуждения, как денежное взыскание в размере до двух с половиной тысяч рублей, в случае неисполнения процессуальных обязанностей, предусмотренных УПК РФ, а также нарушения порядка в судебном заседании (ст. 117 УПК РФ). Относительно «неисполнения процессуальных обязанностей, предусмотренных Настоящим кодексом», как зафиксировано в указанной статье, следует отметить, что действующий УПК РФ не предусматривает никаких обязанностей судебного эксперта: законодатель неудачно сформулировал нормы, регулирующие статус участников уголовно-процессуальных отношений (в том числе и эксперта), отказавшись от использования обязывающих норм при конструировании соответствующих статей. Вместо «обязан» в тексте закона применяется словосочетание «не вправе», что само по себе вызывает ряд вопросов у правоприменителей.

Однако эта новация законодателя противоречит основным положениям общей теории права: отсутствие (либо малое количество) обязывающих предписаний в структуре того или иного правового института при формулировании норм этой общности ведет к дисбалансу механизма правового регулирования соответствующих отношений, где начинает преобладать статическая регулятивная функция права. Нормативные предписания, регламентирующие статус участников уголовного процесса, нуждаются в корректировке с учетом базовых положений общей теории права и выработанными многолетней практикой законотворческого процесса приемами, правилами и традициями.

Литература

1. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 24.07.2007 г.) // СПС «ГАРАНТ-Максимум. ПРАЙМ». Версия от 7 февраля 2010 г.
2. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М., 2005. – С. 80.

Анотація

Зайцева О.О. Кримінально-правові гарантії належного здійснення судово-експертної діяльності. – Стаття.

Ефективність судово-експертної діяльності в рамках існуючих видів процесуальних виробництв у Російській Федерації забезпечується різноплановим впливом кримінально-правових засобів.

Нормативні приписи, які визначають статус учасників кримінального процесу, потребують коригування з урахуванням базових положень загальної теорії права і виробленими багаторічною практикою законотворчого процесу прийомами, правилами і традиціями.

Ключові слова: кримінально-правові гарантії, судово-експертна діяльність, учасники кримінального процесу.

Summary

Zaiceva E.A. Criminal and legal guarantees of the proper realization of judicial and expert activity. – Article.

In the Russian Federation efficiency of judicial-expert activity within the limits of existing kinds of procedural manufactures is provided by versatile influence of criminal-legal means.

Standard instructions which define the status of participants of criminal procedure require a correcting. This correcting should be made with taking into account the base positions of the general theory of law and long-term practice of legislative process.

Key words: criminal law guarantees, judicial and expert activities, members of criminal proceedings.

УДК 344.10.1

А.А. Барцицька

СУТНІСТЬ ТА ФУНКЦІЇ ТЕХНОЛОГІЧНОГО ЕЛЕМЕНТУ ЕКСПЕРТНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ

Проблеми теорії та практики сучасної експертології свідчать про необхідність удосконалення не тільки окремих експертних методик, а й систем організаційно-управлінського та матеріально-технічного забезпечення. Актуальним, в цьому зв'язку, є активізація наукових досліджень, що пов'язані із розробкою додаткових схем управління та запровадженням поняття «технології» у систему експертної діяльності. В умовах сучасної технологізації виокремлення потребує узагальнююча структура щодо ефективного вирішення експертних завдань. Разом із тим питання застосування комплексу практичних прийомів та процедур не нове. Проблема виокремлення комплексного поняття пов'язана, зокрема, із першопочатковим ототожненням понять «техніки» та «технології», що знайшло своє відображення і в системі експертних досліджень. Так, в навчально-методичній літературі 60-х років визначається, зокрема, «техніка криміналістичного дослідження речових доказів» [1, с. 10], «методика та техніка експертного огляду» [2, с. 7] тощо. Зі змісту наведених тез очевидним є процедурний характер, що позбавлений інструментального змісту визначення суто технічних засобів. А.Р. Шляхов, досліджуючи сутнісні основи порівняльного дослідження, виокремлює етапи його провадження, методика та техніка якого залежить від властивостей порівняльних об'єктів та їх відображень [2, с. 52]. Очевидною є спроба виокремлення процедур, що безпосередньо пов'язані із практичною реалізацією методичного комплексу, що відображають власне технологічний аспект експертної діяльності.

У систему експертної діяльності термін «технологія» був запроваджений М.Я. Сегаєм та В.К. Стринжею у 80-х роках, проте до цього часу відсутнє чітке визначення даного поняття. Попри значний науковий інтерес окремих дослідників щодо розробки технологій вирішення окремих експертних завдань, неоднозначним залишається питання щодо визначення його змісту та основних